

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Кровная вражда. Часть 3

Телефон, как всегда, зазвонил не вовремя. Отвечать очень сильно не хотелось, даже не смотря на то, что мелодия звонка сообщала, что звонит мамка.

В конце концов, мне пришлось выпустить из губ Анькин сосок:

— Это мамка, придется взять трубку.

— Не-ет! — Анька наигранно надула губки. — Не бери, потом перезвонишь.

В последнее время я стал часто к ней прислушиваться. Оказалось, моя сестра говорит умные вещи)) Пожалуй, она права и в этот раз. Приникаю губами между грудей и медленно поднимаюсь языком вверх к ключицам и шее, смакуя вкус Анькиной кожи. Опускаю руки ей на бедра и еще сильнее насаживаю на себя. Слышу сверху порывистый выдох.

Телефон все продолжает звонить.

— Какого хрена!?! — опять отрываюсь от Аньки. — Все-таки придется ответить.

— Нет!

— Не капризничай. — Нежно кусаю за ушко и, сильно прижав ее к себе, встаю с кровати.

Анька тут же повисает на мне, сомкнув ноги за поясницей. Дотягиваюсь до стола, где лежит телефон, и вновь со своей драгоценной ношей опускаюсь на кровать. Анька опять сверху, а я откидываюсь на подушки и принимаю вызов.

— Ну, слава Богу, дозвонилась! — Наша мамка такая наша мамка.

— Привет мам!

— Антоша, у тебя все хорошо? Папа сказал, что ты сегодня на работу не вышел?

— Э-э... ну да, я позвонил начальнику и попросил один день за свой счет. — Анька по моим словам поняла, что ничего особенного не случилось, и в ее глазах загорелись озорные искорки. О-о, я знаю этот взгляд, он не предвещает ничего хорошего.

Она наклоняется к моему свободному от телефона уху и, так же как я минуту назад, горячо выдыхая, прикусывает мочку. Даже если от разговора с вашей матерью у вас эрекция пропадает (что вполне нормально), то после такого она гарантированно вернется.

Торжествуя улыбаясь, Анька упирается мне в грудь руками и, нарочито медленно, растягивая удовольствие, приподнимается на моем члене и так же, смакуя каждый сантиметр опускается. Подозреваю, что особое удовольствие ей доставляет осознание, что я нахожусь в жутко дурацком положении. Ага, выслушиваю лекцию от матери о вреде пьянства на мальчишниках, а параллельно стойко терплю сексуальные издевательства сестры. Вот именно. Стойко.

— В общем, Антоша, пообещай, что больше не будешь так напиваться, что придется три дня отлеживаться с похмельем.

— Обещаю мам. — На самом деле, никакого похмелья у меня нет. Но за эти три дня, что прошли с Пашкиного мальчишника, оторваться друг от друга у нас с Анькой так и не получилось, поэтому оптимальным решением показалось, наврать, что я болею после обильных возлияний.

Нам и в голову не пришло, что мой начальник может настучать на меня отцу, и что после этого взволнованная мамка будет донимать с нотациями. Нам вообще было ни до чего.

— Да, и еще кое-что, сыночек. Нам с папой нужно поговорить с тобой и Анютой.

А Анюта в это время, двигаясь ритмично на моем члене, наклоняется и, ехидно улыбаясь,

прикусывает мой сосок. От удивительно острого влажного и горячего ощущения меня против воли выгибает дугой.

Только не застонать!

— Э-э... — Нужно вести себя естественно. — О-о-о... кхм... о чем? Мы что-то опять сделали не так?

— Нет, все хорошо, не беспокойся. Приезжайте завтра, как освободишься на работе. Ты же завтра пойдешь на работу?

— Конечно, мам. Отгул у меня только на один день.

— Вот и хорошо. Завтра вечером ждем вас дома. — И мамка отключилась.

Отбрасываю телефон в дальний угол кровати и грозно смотрю в лукавые глаза сестры:

— Ох, я сейчас кому то устрою!

— Как я тебя боюсь!... — Иронично улыбается, а потом сама набрасывается и целует.

Перехватываю за талию, опрокидываю на кровать и сладко вколачиваюсь. Рычу, целую, проникаю как можно глубже. Отрываюсь от этих вкусных губ:

— Моя? — Улыбаясь, смотрю в эти голубые глаза.

— Да-а-а-а! — Еще шире улыбается она.

Кажется, мои коллеги по работе стали привыкать к тому, что я хожу с засосами, хотя в прошлый раз это было целых две недели назад. Сегодня, вместо шуточек о несдержанности моей партнерши, меня удостаивали всего лишь красноречивыми взглядами.

Утром перед выходом вдвоем с Анькой замазывали тональником ее «подписи» там, где их нельзя было прикрыть рубашкой или пластырем. За субботу, воскресенье, понедельник и утро вторника, мы успели разукрасить друг друга, где только возможно. Причем, кроме засосов и царапин, появились еще и синяки: как я и предрекал, мы рухнули с моей трехногой кровати еще в самый первый день, как вернулись с мальчишника. Еще, мы дважды падали с кухонного стола, и один раз я довольно опасно поскользнулся в ванной с Анькой на руках.

В итоге, на работу пришлось идти с двумя пластырями на шее, и челюстью, замазанной тональником. Во взгляде моего начальника, когда я писал заявление за свой счет на вчерашний день, читалось, что он прекрасно понимает, что человек, болеющий после пьянки, не приходит потом на работу весь залатанный и замазанный. Но мне всегда было пофиг на его мнение)))

После работы, подобрал Аньку на перекрестке по дороге к родителям. О том, что мамка вызывала нас к ним с отцом, вспомнили утром в самый последний момент. Сейчас Анька сидела справа от меня на пассажирском сиденье, одетая в полупрозрачный летний сарафан, задрав свои умопомрачительные ноги и выставив босые лодыжки в окно. В таком виде она выглядела удивительно женственно, и сдержаться от того, чтобы не наброситься на нее, было очень трудно.

Невольно вспомнилось, как в субботу утром после мальчишника мы проснулись в гостевой комнате снятого Пашкой особняка, завернутые в постельное покрывало. Не чувствовалось ни похмелья, ни голода, а только дикое первобытное желание. А потом — ощущение, будто я пью Аньку и не могу напиться.

И вот, она стоит на четвереньках на кровати и рычит как дикая кошка, я держу ее за бедра и сосредоточенно двигаюсь внутри, и тут открывается дверь, и в одних трусах входит Пашка со словами: «Эй, кто тут есть, у вас не осталось бутылки шампанского?» Мы с Анькой были уже в

том состоянии, когда похуй на всё, все чувства сконцентрированы на соединении наших тел, и не реагировали ни на что. Пашка, постояв немного с отвисшей челюстью, сумел только вымолвить: «Ну вы, блин, даете!» — и ретировался из комнаты, а Анька начала неистово кончать. И только когда отгрохотали последние залпы, мы, уставшие, лежа на кровати, долго ржали, вспоминая Пашкины огромные глаза.

К родителям приехали в районе шести вечера. У меня были опасения, что, несмотря на мамкины слова вчера по телефону, нам все равно устроят какой-нть пиздец. Просто, вызывали нас к себе они довольно редко, а тем более сразу обоих. Что то здесь не так.

Но мои опасения не оправдались. Нас встретили очень радушно: мать расцеловала обоих, отец пожал мне руку и обнял Аньку. Усадили в гостиной.

— Мам, — как то не очень вежливо заговаривать об этом в гостях, пусть и у собственных родителей, но все же, — а ты нас не покормишь? Я с работы жутко есть хочу.

— погоди чуток, Антоша. Сейчас еще кое-кто подъедет и сядем ужинать.

«Кое-кто»? Будут еще... гости? Зачем нас сюда позвали?

— Пап, а для чего вы нас вызвали? — Судя по всему, Аньку посещали те же самые мысли.

— Потерпите немного дети, — и отец с непробиваемым видом вышел из гостиной. Нда, с такими способностями из него вышел бы первоклассный игрок в покер. Но наш папа, как человек принципиальный, в азартные игры не играет.

Наконец, раздался звонок домофона и радостные голоса родителей.

— Ребята, вы наверное помните тетю Олю? — Конечно, мы ее помнили. Мамина закадычная подруга, чей муж был отцовским партнером по бизнесу. — А это — Коля, сын тети Оли.

Экспонат «Николай» выступил вперед и крепко пожал мне руку. Это был детина на голову выше меня и килограммов на двадцать тяжелее, хотя я и сам не мальчик-с-пальчик. Кажется, я его смутно помню. Как то в детстве, когда родители устраивали застолье, этого Колю привели к нам, и мы с ним весь вечер играли под столом, за которым кутили взрослые. Мне тогда было года три, а может и того меньше, потому что Анька была еще неспособна с нами играть. — Ужин на столе, идемте! — Позвала мамка.

Весь ужин мамка с тетей Олей весело щебетали о всякой своей фигне, периодически отец вставлял какую-нть уместную шутку. Мы с Анькой помалкивали, ибо мне лишь по одному ее взгляду было понятно содержание всех ее мыслей, тем более, что оно полностью совпадало с моим: «За каким хреном нас сюда позвали!?». Тащились в такую даль, просто чтобы весело поужинать с мамкиной подругой? От мыслей, что еще предстоит переться назад, становилось совсем кисло.

И тут я заметил, как Коля рассматривает Аньку. Кулаки мои непроизвольно сжались, и она это заметила:

— Ты чего? — Шепотом вполоборота.

— Да так, ерунда...

Опустила руку и нежно погладила меня по колену под столом. Черт, стояк.

Ужин закончили оперативно:

— Ну что ж, пойдемте пить чай в гостиную! — У мамки какой то подчеркнуто-бодрый голос. Это не к добру. — Анюта, можно тебя попросить, убрать со стола?

— Я помогу!

— Нет, Антоша. Пусть лучше Коленька поможет. А ты — пойдем с нами. — И мамка безапелляционно хватает меня под руку и ведет в гостиную. Аньке остается лишь провожать

нас растерянным взглядом.

— Ма-а-ам, что происходит? — У меня по спине поползли нехорошие мурашки.

— Ничего, все хорошо. — И мамка стала разливать чай с абсолютно невинным видом.

— Мама, я же все вижу.

— Просто, твоя мама часто жалуется мне на то, что вы все не можете сладить с Анечкой. — Вмешалась тетя Оля. — А моему Коленьке давно пора жениться.

ЧТО!?

— Вот именно! И мы подумали, — продолжила мамка, — что как только Анюта выйдет замуж, то сразу успокоится. Особенно если муж будет хороший. И сильный.

ЧТО, БЛЯТЬ!?

— Вы что, решили свести Аньку с...

— Спокойно, Антон, зачем так нервничать? — Поднял руку папа, — в этом нет ничего такого. Придется вести себя естественнее, они не должны понять причину моих эмоций.

— Нас с мамой очень расстроил случай в позапрошлую субботу, — продолжил папа, — когда Анюта приехала к нам домой посреди ночи, после ссоры с тобой.

— Но мы же уже уладили этот вопрос!?

— Верно, но характер у твоей сестры от этого не изменится. А значит, подобные инциденты будут продолжаться, ты же понимаешь. К тому же, Анечке пора определяться в жизни. Замужество — это неплохой вариант для нее.

— Коленька замечательный мальчик. — Поддержала мамка. — Добрый, с хорошим образованием. Его папа — партнер отца. Да и ему самому уже пора жениться, двадцать четыре года, как-никак. Замужество с ним пойдет Анечке на пользу. И чем скорее, тем лучше.

— Мы живем в двадцать первом веке, а вы решили «отдать дочь в хорошие руки»? — Стараюсь контролировать эмоции, но, боюсь, выходит плохо. Надо разжать кулаки, чтоб не палиться!

— Ну и что такого? В наше время так часто делали.

Но сейчас не ваше время!!!

— Пусть они погуляют, присмотрятся. Кстати, завтра Оля с Пашей расписываются, а в субботу будут официальные торжества, пусть Анюта туда ходит с Коленькой. А там, глядишь, через месяц и их распишем.

— Слушайте, — изо всех сил пытаюсь сохранять спокойствие, — но так же не делается! Во-первых, заявку в ЗАГС подают далеко не за месяц...

— У папы там знакомые, помогут.

— А во-вторых, вы их то самих спросили? — Ну какие еще разумные аргументы привести, мать вашу!?

— Коленьке Анюта вроде понравилась, тетя Оля ему ее показывала на фотографиях. Ну заебись, просто!

— А у Анюты разве кто то есть? — Продолжала мамка.

Теперь уже настал мой черед держать оборону:

— Э-э-э... Да нет... Вроде бы... — Нда, ну и оборона.

— Ну, значит, все в порядке!

В этот момент с кухни вернулись Анька с этим «Коленькой».

— Анюта, дочка, ты пойдешь с Колей на свидание? — Спросила мамка.

О, Боги! Убейте меня кто-нибудь! По Анькиным глазам можно было понять, что ее посещает

та же мысль:

— Э-э... Нет...

— Почему? Сходи! Или у тебя есть молодой человек?

Анька автоматически посмотрела на меня. Это просто пиздец какой то!! Придется им солгать, не говорить же правду.

— Нет...

— Значит, решено! В четверг вечером Коленька за тобой заедет! — Мамка торжествующе осмотрела публику. Все решили за нас. А мы даже не можем полноценно им ответить. Это практически катастрофа. Еще не совсем, но если ничего не придумать, то...

То это станет самым страшным событием в моей жизни.

День, когда я отдал Аньку без боя.

Конечно то, что нам устроили родители, иначе как «пиздец» назвать нельзя. Надо было видеть Аньку, когда возвращались домой, сидящую в пассажирском кресле справа, и настолько сгорающую от ярости и смущения, что от нее едва не валил пар.

Оказывается, пока она убирала со стола, а этот гребаный Коля ей помогал, он успел лишь сделать пару неуклюжих комплиментов, да под конец, когда помогал вытирать тарелки, скупо предложил встретиться как-нить «за чашкой кофе». Понятно, что Анька, особо не церемонясь, отказала.

И испытала легкий шок, когда, сопровождаемая этим увальнем, вышла из кухни и была застигнута врасплох мамкиным: «ты пойдешь с ним на свидание?». Какого хрена!? И откуда она узнала?

А вот когда сестру поставили перед фактом, что ей придется идти гулять с незнакомым парнем, который ей совершенно неинтересен, она пришла в ярость. И спас от массовых разрушений только вопрос: «есть ли у тебя кто-нибудь?»

Не говорить же, что, мол, есть и это мой старший брат, а кстати, он тоже здесь, если не верите — спросите у него!

Все это и многое другое Анька выложила мне еще в машине, просто выпуская пар. Чтобы выговориться. Она была жутко разозлена и продолжала злиться, даже когда приехали домой. И только потом, когда уже легли спать, я обнял ее покрепче, и она, наконец, успокоилась.

Не представляю, как ей сказать, что наши «замечательные» родители не просто нашли ей кандидата в хахали, а уже все за нее решили и через месяц собираются их расписать.

И, самое главное, я понятия не имею, что сделать мне, чтобы не отдать мою Аньку этому уроду.

Мысль эта никак не давала мне покоя. Настолько, что в среду за весь день мне так и не удалось сконцентрироваться на работе. Я даже забыл поздравить Пашку с Ольгой — ведь они сегодня расписываются. Вспомнил об этом только к вечеру и отписался им в контакте.

Придя домой, услышал крики:

— Какого хрена вы вообще за меня решаете!?!... Это не важно! Я сама буду выбирать, с кем мне встречаться!..

Заглянул в зал: Анька разговаривает по телефону и в ярости накручивает круги по комнате. По ходу, мамка звонит.

Помолчала, потом ответила в трубку:

— Ладно, но только один раз... Мне он УЖЕ не понравился, и это не изменится!... Так и быть,

один раз схожу!

Увидела меня в дверях и закатила глаза, показывая, что ее это все уже заедало.

— Ага... — Видимо, мамка попрощалась и отключилась. — Мамка звонила. Говорит, отец требует, чтобы я сходила на встречу с этим Колей. Если откажусь, они мне «отрубят финансирование».

Ну да, Анька до сих пор живет на карманные расходы, которые родители каждый месяц кидают ей на карточку.

— Слушай... Мы ведь можем жить только на мою зарплату, разве нет? — Неужели, она и вправду пойдет с ним на свидание? — Я... Тебя не пуцу.

Подошла, и ткнулась лбом мне в грудь:

— Дело ведь не только в деньгах, ты же понимаешь. Они не оставят нас в покое, пока мы не сделаем так, как хочет отец.

Да, я понимаю. Отец всегда добивается своего.

— Ну, еще я могу от всей души набить морду «Коленьке», так что он сам расхочет на тебе жениться. — Иронично улыбаюсь.

Сначала Анька смеется, но потом удивленно смотрит на меня:

— Жениться?

Черт, проговорился! — Да-а... На самом деле, они собрались вас расписать через месяц. И даже если ты откажешься, они собираются это сделать насильно. Я... не знал, как тебе сказать.

— ЧТО!?! Какого, блять, хрена!?!? — Анька мгновенно сатанеет и опять принимается нарезать круги по комнате.

— Я тоже охуел, когда узнал, но меня никто не слушал.

Пометавшись еще немного и почти неосознанно изрыгая многослойные матерные выражения (прямо как в старые добрые времена), Анька, наконец, остановилась:

— А правда, почему бы не сделать так, чтобы этот хренов Коля сам во мне не разочаровался?

— Хочешь принять участие в его избиении?

— Честно говоря, хочу, — ухмыляется, — но может поступить умнее? Может быть, походить с ним на свидания и повытирать об него ноги, пока сам не сбежит?

Хм? Бляя... И терпеть все это? Хотя, если сработает, то нашу проблему это решит. Но это будет полный пиздец.

— Ты не будешь ревновать? — Она опять обняла меня и поцеловала в шею.

— Буду. И очень сильно. Но, похоже, это единственный вариант. Иначе, придется признаваться, в том, что мы...

Я почувствовал, как она напряглась в моих руках, и мне самому стало не по себе.

— А сможем ли мы вечно молчать?..

Не знаю. Хотя и понимаю, что если сознаться во всем, то последствия можно будет сравнить с концом света. Но не лучше ли пережить конец света, чем вот так отдать Аньку кому то другому?

В четверг вечером перед свиданием этот гребаный Коля заехал за Анькой. Я уже успел вернуться с работы и как раз выходил из ванной после душа, когда раздался звонок в дверь. Анька еще одевалась, так что открывать пришлось мне, как был — с полотенцем на голове.

— А. Это ты. — Демонстративно не подаю руку.

— Привет! Я так понимаю, ты против моих намерений, относительно твоей сестры? — Он

оказался умнее, чем я думал. Надо же, даже оделся как следует. Серый костюм, рубашка. Огромный букет алых роз. Черт, как же хочется хорошенько вмазать ему по роже!

— Я вот что скажу, Коля. Независимо от твоих намерений, если ты хоть пальцем тронешь Аньку...

— Ты, наверное, плохо слышал родителей? — Перебил он, нехорошо прищурившись. — Что бы ты ни говорил, я рано или поздно трону твою сестру. И не только пальцем.

Ебанный в рот!!! Сука, убью нахуй!!!

Но тут, Анька все-таки вышла к нам, одетая и покрашенная.

И мне придется все это терпеть!? Боги, за что вы так жестоки!? Я должен взять себя в руки. Пока лезть в драку нельзя. Все нужно делать по нашему плану. Уж Анька-то умеет превратить жизнь любого парня в ад. Нужно только потерпеть...

Про себя я отметил, что намеренно или нет, но ей удалось продержаться «Коленьку» в томительном ожидании. Под конец, мне все-таки удалось подпортить настроение этому козлу упоминанием, что сестра не любит упитанных. К тому же Анька, как и я, не особо скрывала недовольство положением вещей.

В общем, начало было не плохое. Но выбесить этот урод меня все-таки сумел.

Они ушли, а я не знал, куда себя деть. Походил по квартире. Попил чаю.

Время почти перестало двигаться. Минуты стали длинными. И пустыми. И эту пустоту, против воли стали заполнять мысли, сдержат которые не было никакой возможности.

Может быть, Аньке и вправду стоит выйти замуж? Пусть не за эту обезьяну, а за какого-нибудь нормального парня? И уж, по крайней мере, перестать спать с родным братом?

Ведь не зря же общество запрещает братьям и сестрам такие отношения. Сталкиваясь с подобным, окружающие чисто инстинктивно воспринимают их как больных, нездоровых, в которых есть какой-то биологический изъян. Неосознанно, мы думаем, что этим можно заразиться, и потому испытываем неприязнь и брезгливость, граничащую с отвращением.

Брат, трахающий сестру, наверное так и думает: «Посмотрите на меня, я ебу родную сестру!» И удовольствие у него лишь усиливается от того, что она ему не кто-то, а родной человек. Действует как виагра. Использовать родного человека для усиления удовольствия от секса? Звучит и вправду мерзко.

Но у нас то все по-другому. То, что мы родные — лишь мешает. И я говорю не только о теперешней ситуации. Мне неприятно вспоминать, что Анька мне сестра. Я даже в мыслях стараюсь так ее не называть. И я заметил, что она тоже зовет меня только по имени. По сути, было бы гораздо легче, если бы мы не были родными.

Но относились бы мы так же друг к другу? Я в этом уверен.

Погруженный в эти недобрые мысли, я кое-как забылся нездоровым сном в зале, сидя на диване, после нескольких безуспешных попыток посмотреть хоть что-то по телевизору, чтобы отвлечься.

Я проснулся в кромешной тьме — телевизор был выключен — на коленях у меня сидело тяжелое и теплое тело и, обнимая за шею, горячо дышало в висок. Длинные волосы щекотали нос, и их запах мог принадлежать только одной девушке.

Анька.

Мягко обнимаю — она все еще в том платье, в котором уходила вечером, кажется только пришла. Губы встречаются, и юркий хулиганистый язычок жадно терроризирует мой. Конечно, она уже чувствует мое возбуждение и улыбается в поцелуе.

— Как все прошло? — Нехотя отрываюсь.

— Ну... Я раскрутила этого придурка на самое дорогое вино в ресторане, а сама полвечера проговорила с подружкой по телефону, игнорируя его. — В голосе триумфальные нотки.

— Жестоко.

— Ему сегодня вообще пришлось не сладко. — Целует.

Кладу ладонь на ее голое колено и веду по нежной шелковистой коже вверх. Зарываюсь носом в густые ароматные волосы, целую за ушком. В ответ слышу выдох:

— Я соскучилась.

— И я. Весь вечер места себе не находил.

Приподнимаю Аньку и аккуратно кладу на диван — идти куда то в лом. Стягиваю свои шаровары, оставаясь голым, потом проникаю руками под платье и медленно, смакуя, стягиваю с нее кружевные трусики.

Анька хихикает:

— Платье оставь.

— Зачем? Помнем или испачкаем.

— Вот именно. Этот урод весь вечер на него облизывался, но ему ничего не обломилось. — Пока она говорит, целую шею. Прохожусь языком от ключиц к ушку и обратно. — ... А-а мы, оставим на нем свои следы.

Звучит классно)) Всей своей твердостью трюсь о ее уже мокрые губки. Оттягиваю член, и он несильно шлепает по киске, от чего Анька вздрагивает и выдыхает:

— Не томи!... Хочу!

Прицеливаюсь и одним плавным движением погружаюсь. Чувствую на лице выдох облегчения. Влажная, горячая глубина как будто засасывает. Наслаждаюсь каждым толчком. С каждым погружением стараюсь проникнуть до упора. Млею от того, как разбухший твердый член растягивает тугую плоть.

Легонько постанывает.

— Быстрее... — Ее дыхание на лице.

Ускоряюсь, проклятый диван скрипит. Контролировать себя все сложнее, и я почти не сдерживаюсь. Ей немного больно от глубины проникновения, но в столах, срывающихся с губ — удовольствие. Платье мы точно помнем, да и хер с ним! Ведь мне можно то, чего нельзя этому уроду. Всем этим уродам, что облизываются на Анюту. Мою.

Она выгибается в ответ на мои движения, разрывает поцелуй и выдыхает в губы любимое:

— Антоша-а!...

... Как и собирались, платье мы основательно помяли и испачкали.

Ольга с Пашей расписались еще в среду, сопровождаемые только Олиными родителями и Пашкиным лучшим другом Сергеем, который все снимал на камеру. Он же, кстати, был тамадой на мальчишнике.

Само же торжество было решено проводить в субботу. По ходу, для гостей ребята проведут церемонию еще раз. Хотя я уже бывал на самых разных свадьбах, еще ни разу не видел, чтобы торжества проводились не в тот же день, на который была назначена церемония в ЗАГСе. Не совсем понимаю, зачем так нужно было делать, но им виднее.

Возможно, это связано с тем, что в среду особо торжества не устроишь — будний день, как там еще у гостей обернется с работой. Зато, в субботу таких проблем можно будет избежать.

Судя по всему, опять приедут Пашкины родители. На этот раз они останутся в гостинице, ибо будут без бабульки. В общем, я очень радуюсь, что все это — не моя забота))))))

Разумеется, вся суббота, по крайней мере, утро и день прошли под флагом подготовки к торжествам. Анька сразу после завтрака залезла в ванну, и сидела там не меньше двух часов, отмокая и булькая водой, под музыку из портативной колонки, что она поставила на стиральную машинку. Правда, что меня несколько расстроило, на предложение потереть спинку, она, хихикнув, ответила отказом, сказав, что я ей сейчас весь настрой собью, и тогда вообще идти никуда не захочется. В общем то, она права, как всегда))

Я решил надеть все тот же темно-синий костюм, правда уже с белой рубашкой и синим галстуком в тон костюма. Анька же выбрала для этого вечера полностью черное платье с косым подолом до щиколоток, с глубоким вырезом на бретельках и полностью открытой спиной. Разумеется, под такое платье лифчик она не надела. Да и зачем он ей? При дыхании ее грудь призывно поднималась под платьем, и становилось хорошо видно, насколько тонка его ткань. О, Боги!..

И в этом платье она пойдет на свадьбу Ольги с этим гребаным Колей!!... Вообще, перспектива того, что сегодня этот хрен будет сопровождать Аньку, испортила мне настроение еще утром. Поэтому, когда «Коленька» в назначенный час заявился к нам, любезничать с ним у меня не было никакого желания. И, что больше всего раздражало, на все мои выпады этот козел отвечал непринужденной улыбкой. Сука. Так и хочется разбить ему нос. В итоге, когда они выходили из квартиры, он со злорадным удовольствием держал лапищу на ее голой спинке, несмотря на протесты.

Ааааааа!... Бесит! Такое впечатление, что Анькина подчеркнутая брезгливость по отношению к нему только усиливает его желание добиться своего. Мне все меньше и меньше нравится наш план сделать так, чтобы он сам ее расхотел.

Для празднования дядя Саша, Олин папа, снял большой банкетный зал в одном из ресторанов в центре города. Разумеется, по случаю зал украсили воздушными шариками, искусственными цветами, в общем, все как положено на свадьбах.

Гостей было много: родственники различной дальности, куча друзей жениха и невесты со спутниками. Все подходили к дяде Саше и тете Тане и поздравляли, кто то обнимал, кто — просто жал руки. Улыбались, шутили. Вообще, атмосфера радости и праздника была что надо. Как раз то, что я люблю в свадьбах.

Внезапно в толпе мелькнули светлые вьющиеся волосы. Хм? Да неужели это Оксанка? Мать вашу, какого хрена здесь забыла моя бывшая!?!... А, впрочем, какая мне разница? Ну пришла и пришла. Главное, держаться от нее подальше. Ну ее, эту дуру.

В итоге, избежать мне ее так и не удалось. Она настигла меня со спины, подошла и проворковала:

— Антон, привет, милый! А я гадала, увижу тебя сегодня или нет? — Зашибись! Она еще и надеялась, что я буду здесь.

— А-а... Да, привет. — Куда б слинять?

— Ты сегодня один? — Улыбается еще шире.

— Э-э, нет! Я с девушкой.

— Правда? — Судя по ее выражению, врать я разучился. — Познакомишь?

— Может быть... Попозже.

К моему облегчению, в этот момент в колонках раздался голос молодого человека во фраке, который представился ведущим вечера и объявил начало. Торжества начали с церемонии заключения брака. Понятно, что официально, по документам, Паша с Олей уже три дня женаты. Но для гостей все провели еще раз. Оля была обворожительна. Я уже видел ее в свадебном платье, еще тогда в салоне, так что оно не стало для меня сюрпризом, но все равно было трудно оторвать глаз от этой красоты.

После церемонии, ведущий вечера пригласил всех за столы, поставленные в форме буквы П. После первого тоста за жениха и невесту потекли поздравления, громкие аплодисменты, смех, бла, бла, бла. Мое место, неожиданно, оказалось далеко от Аньки с Колей. Более того, за разными столами. Я мог только сидеть и издалека наблюдать, как Анюта с кислой миной вынужденно принимает ухаживания этого увальня. Как он наливает ей шампанское, кладет что то на ее тарелку.

Наверное, у меня сейчас такое же выражение лица как у нее.

Черт, ненавижу наших родителей! Решили отдать Аньку богатому мальчику как породистую скотинку! Правильно, вон мамка с отцом сидят, мамка с такой радостью смотрит на Аньку с «Коленькой». Ага, сплывили, наконец, дочурку?

Поток моих мыслей был прерван громогласным приглашением ведущего «потанцевать и растряссти уже употребленное».

Свет приглушили, народ массово поднялся со своих мест за столом и подался на импровизированную танцплощадку. Все это меня мало интересовало. Внимание было занято тем, как «Коленька» за запястье потянул Аньку к самому центру танцующих. И было хорошо заметно, как она сопротивляется его намерению. Вроде еще не отбивается (о да, Анька может отбиваться, если нужно, еще как!) но понятно, что Коле приходится прикладывать усилия, чтобы подчинить ее своей воле. Чертова, гребаная обезьяна!

Терпение мое лопнуло. На автомате поднимаюсь со своего места и иду к ним. Сейчас я просто спокойно подойду и перехвачу у него Аньку. Ведь никто не может запретить брату потанцевать с сестрой. И ничего в этом такого нет, верно? Уже прохожу между медленно движущимися в танце тушами разнообразных родственников с обеих сторон.

И тут на меня налетает Оксанка, мгновенно обнимает и по инерции отворачивает от моей цели.

— Антон, потанцуй со мной!

Провалиться б тебе!

— Сейчас вроде не белый танец, м?

— Ну не будь таким черствым! Девушка же просит! — И еще крепче вцепилась мне в пиджак, пьяно выдыхая в лицо. Ты еще запрыгни на меня с ногами!

— Что ты вообще делаешь на этой свадьбе, а? Ты же здесь никого, кроме меня не знаешь? — Ищу глазами Аньку с «Коленькой» среди танцующих.

— Я пришла с подружкой. Она недавно сказала, что приглашена на свадьбу и что приглашение на двоих. Мне сначала пофиг было, а потом, когда узнала, что у невесты такая же фамилия, как у тебя, подумала, что и ты можешь здесь быть. Видишь, какая я умная? — Улыбается и старается прижаться ко мне еще сильнее. Блять, ну и дура.

— А то, что мы могли оказаться однофамильцами тебя не смутило?

Помолчав, она улыбнулась:

— Ну ведь в итоге, я оказалась права, разве нет? Ведь невеста — твоя двоюродная сестра?

Знаешь, каких трудов мне стоило, уговорить подружку, чтобы она взяла меня?

Ну хорошо, в этот раз она оказалась права. У меня с Ольгой реально одна и та же фамилия. Когда в девятнадцать я только устраивался к отцу в фирму, подумал, что лучше не светиться тем, что я сын хозяина, и взял девичью фамилию матери. Она же фамилия маминого брата дяди Саши, отца Ольги. Ни за что бы не подумал, что это приведет к таким неожиданным последствиям.

Увидел в толпе Аньку. Она нехотя танцевала с этим придурком, стараясь удерживаться на пионерском расстоянии. Замечает нас, и то, как Оксанка в меня вцепилась, и глаза ее начинают недобро светиться. Все верно, ведь Анька терпеть не может мою бывшую. А тем более теперь.

Виновато развел руками, мол, я не причем. Может, лишённая поддержки моих рук Оксанка отцепится? Хотя бы под собственным весом? Ага, конечно. Наоборот, еще сильнее вжалась в меня грудью. Анька, по-моему, даже забыла, что этот придурок «Коленька» лапает ее за голую спину.

Слава Богам, пытка медляком быстро подошла к концу. Ведущий громогласно попросил всех рассаживаться и наполнять бокалы, поскольку сейчас будет очередной тост. Ладно, с Анькой перекинуться парой слов не удалось, но самое главное, этот увалень ее отпустил. Вспомнились полыхающие гневом глаза. Наверное к лучшему, что сейчас не удалось с ней поговорить.

Возвращаюсь на свое место, благо Оксанка вынуждена была меня покинуть, так что можно пока передохнуть. Автоматически ищу глазами за противоположным столом Аньку с этим хером. Экспонат «Николай» присутствовал, а вот место рядом с ним пустовало. Куда это она делась? В туалет пошла? Или покурить?

Впрочем, если этот урод не с ней, значит, можно особо не беспокоиться. Хотя все равно напрягает. Опять громкие тосты, все бухают, закусывают, ржут как лошади, поздравляют жениха и невесту. А ведь обычно мне все это нравится. Алкоголя — хоть залейся, закусывай — сколько влезет. Только вот, вообще мне сейчас не до этого.

Где Анька? Место рядом с Колей все еще пусто. Уже поздравления отгремели, и ведущий опять объявил танцы. А ее все нет.

Неужели, что то случилось!? Еще раз оглядываю зал. Свет опять приглушили. Рядом со мной никого нет — все, кто сидели справа и слева — ушли танцевать. Я, по ходу, вообще остался один за своим столом. «Коленька» встал и вышел, наверное, на поиски Аньки. Значит, и мне надо идти. Нельзя, чтобы он нашел ее раньше меня!

Внезапно, моих коленей под столом коснулись чьи то руки. От неожиданности я дернулся, но ладони не исчезли, а, наоборот, заскользили выше по бедрам и очень скоро легли на ширинку и стали настойчиво пробуждать к жизни скрытое под тканью естество.

Какого хрена происходит!? Не сказать, что мне неприятно, но... Точно никто не смотрит? Ха! Да всем пофиг! Приподнимаю край скатерти, прикрывающий все, что ниже пояса, и что я там вижу? Хитрющую улыбку Аньки, с озорными чертенытами в глазах.

— Я тут за тебя беспокоюсь, гадаю, куда ты делась, а ты? — Стараюсь говорить укоризненно, но губы сами собой растягиваются в улыбке.

— А я, что? Я ничего. — Она еще больше улыбается, расстегивает ширинку и запускает внутрь руку. — Примусы починяю. — Достает уже набухший член и нарочито медленно целует уздечку своими чувственными губами.

А-а-а-ах! Что ж ты со мной делаешь...

— Не при всех же!... — Стараюсь сохранять нравоучительный тон, но, кажется, получается плохо.

— Мне очень не понравилось, как к тебе прижималась эта шлюха. — Медленно проводит влажным языком по всей длине ствола.

— О-о-ох... То есть это такая месть, да?

— Мммм... Ага. — Медленно облизывает пунцовую головку.

— Я... Я сейчас встану и уйду! — Ну хоть попытаться сохранить подобие здравого смысла.

— Неа... — Улыбается. — Не уйдешь.

И заглатывает половину.

Ну, по крайней мере, здесь «Коленька» Аньку точно не найдет.

О, Боги, какие у нее губы! Погружает член все глубже и глубже, продвигаясь своими умопомрачительными губами по стволу вниз. От ощущения горячей и влажной глубины под одеждой побежали волны мурашек. Останавливается и движется в обратную сторону, усиливая вакуум. И опять вниз, подбавляя влаги.

В зале дохера народу. Тем более, пляски могут закончиться в любой момент и...

— Антон! Вот ты где!...

Блять. Оксанка, разглядев меня в полутьме зала, кое-как пробралась вдоль стола и плюхнулась на соседнее место. Вот только тебя еще не хватало!

— Антон! Я ведь сюда только ради тебя пришла!

При этих ее словах, злобные зубки довольно чувствительно прикусили мой ствол:

— Ай!... — Я рефлексивно дернулся. — Извини, ничем не могу помочь.

Оксанка ничего не заметила и продолжила:

— В прошлый раз, когда мы с тобой виделись, мне так с тобой хорошо было. — Еще один укус, и член выпускают из горячего плена. Через мгновение мстительный язычок начинает тиранить уздечку. Пр-роклетье! Сохранять невозмутимый вид стало гораздо тяжелее.

— Ты меня слушаешь?

— А?... Да-да, «было хорошо» и все такое, — мысли мои далеко. Точнее, они все под столом. Одним стремительным движением язык проходит от самых яиц и до самого верха. Пауза. Обра-а-атно...

— Ну и?

— Что? — Я не улавливаю, чего она от меня хочет. Совсем не до нее, ведь Анька опять погружает меня в себя, подбавляет влаги и начинает медленно-медленно двигаться тугим кольцом губ по стволу сначала вниз... А-а-ах-х...

— В общем, я думаю, что могла бы согласиться на новый испытательный срок для тебя.

... И вверх. Ммммм... Теперь чуть быстрее.

Кое-как пытаюсь совладать с голосом:

— Слушай... — Движения под столом стали еще чуть быстрее. — Мы с тобой расстались. И еще быстрее. Каждый раз юркий язычок успевает еще и облизать по кругу. На лбу выступила испарина.

— И я...

Быстрее. Перед глазами темнеет.

— ... не жалею...

Очень, очень быстро, влажно, горячо!... Пальцы сами собой сгребают скатерть в кулаки.

— ... об это-о-ом! А-а-а-а-а!!! — Не могу больше сдерживаться и иступленно извергаюсь

между пухлых губок в этот сладкий ротик. Под зажмуренными веками вспыхивают яркие фейерверки. Мне вообще сейчас наплевать на все. Только одна девушка на свете способна творить со мной такое.

— Да что с тобой!?! — Оксанка смотрит недоуменно-возмущенно. Наплевав на все, опускаю одну руку под стол и придерживаю макушку, пока фонтан не иссякнет. Наверное, у меня сейчас вид, как у кита, выброшенного на берег. Бесшумно ловлю ртом воздух в попытке отдышаться. Оксанка протягивает руку и приподнимает край скатерти, прикрывающий мой пояс. Член пока еще в боевом положении, и Анька с чмоканьем вылизывает его, а потом смотрит на Оксанку и спрашивает:

— Чего уставилась? Вали отсюда!

Разумеется, Оксанка узнает мою сестру, подскакивает и в шоке еле выговаривает:

— Совсем, блять, больные. — Смотрит на нас как на прокаженных, срывается с места и уходит нетвердым шагом.

— Ну ты даешь, — еле сдерживаю смех. — Могла бы остановиться, когда эта дура пришла.

— Тебе же понравилось. — Улыбнулась, облизываясь как кошка.

После танцев затеяли еще один традиционный ритуал. Бросание букета невесты. Вот уж большего цирка в жизни не видел! На каждой свадьбе одно и то же: ажиотаж, граничащий с маразмом. Однажды, даже довелось стать свидетелем серьезной драки, когда сильно выпившие девушки так и не смогли решить, кто же именно поймал букет. Но ведь какая свадьба без драки, верно?

Ольгу поставили посреди зала, всех незамужних девушек и кое-кого из великовозрастных дам выстроили шеренгой позади нее шагах в десяти. Поначалу среди них я не увидел Аньку. Потом выяснилось, что она ловко спряталась в уголке, и наша мамка, широко улыбаясь, вывела ее оттуда и втокнула в самый центр шеренги претенденток. Как же сильно они мечтают ее выдать замуж! Черт, бесит!!

На счет три, Ольга подбросила букет, вся толпа претенденток бросилась за ним, давя друг друга и расталкивая локтями, Анька же наоборот, ринулась в противоположную сторону. В итоге, к вящему разочарованию нашей мамки, букет поймала довольно полная дама лет за тридцать. Спорить с ней по вопросу, кто именно поймал букет, никто не стал.

После этого настала очередь парней ловить подвязку с ноги невесты. Если и есть на свете более идиотский ритуал, чем ловля букета, так это ловля подвязки.

Как назло, наша мамка и здесь оказалась начеку, ловко выудив меня изза стола и, как и Аньку до этого, всунула в самую середину группы парней. Опять на счет три, Пашка, стоя к нам спиной, швырнул подвязку, и парни бросились врассыпную кто-куда, подальше от баллистического элемента гардероба. Это, кстати, тоже традиционно: никто из парней не хочет жениться следующим. Ну или делает вид — традиция все таки.

Повинуясь этой традиции, я ринулся подальше от предполагаемой траектории движения злополучного предмета туалета невесты, но в суматохе мы столкнулись с кем то из парней, и я внезапно почувствовал, как в лицо ударилась мягкая, пахнущая духами тряпочка, и свалилась прямо в руки.

Все взгляды устремились на меня. Стою как идиот с этой хренью, не вдупяя, что теперь. А уже все, поздняк метаться! Меня поздравили с получением трофея. Пашка даже заявил, что теперь ждет приглашения на мою свадьбу. Нда-а...

Не светит мне, пожалуй, свадьба. Другие девушки мне не интересны, а та, что интересна... в общем, не светит мне свадьба.

После всего подошел к Аньке.

— Ловко поймал, — проговорила она, пряча глаза, — что делать будешь?..

— Я не верю во все эти приметы. Так что не важно, что и где я поймал.

Не подействовало. Не то, чтобы не поверила. Просто, наверное, это событие воплотило для нее все те переживания и опасения, что испытала за последнюю неделю. Хотя на самом деле, это всего лишь совпадение. Ладно, попробуем по-другому. Беру ее за руку, и решительно вывожу из зала подальше от всех. Проходим в какой то закуток ресторана. Останавливаю и как можно нежнее кладу ладонь на щеку, целую. Приникает ко мне, тепло и как то очень доверчиво. Тихонько шепчу:

— Знаешь, по традиции, поймавший подвязку невесты, одевает ее на ногу своей избраннице.

— С этими словами опускаюсь перед ней на колени, мягко приподнимаю ее ножку и надеваю белое трикотажное колечко, нежно веду его вверх под платье, минуя колено, и останавливаюсь на бедре, совсем немного не дойдя до самого заветного.

Поднимаюсь и опять ее целую:

— Дома я оставлю на тебе только эту подвязку.

Анюта, наконец, улыбнулась, закусив губку:

— Обещаешь?

Какой взгляд! Вот бы уже оказаться дома. Хм... А пошли они все!)))

Беру Анькину ладонь в свою, наши пальцы переплетаются, тяну ее за собой.

— Ты куда? — Послушно идет следом.

— Давай сбежим!

— А как же?...

— В жопу их всех!

Торопливо идем на улицу, подвожу ее к моей Тойоте, открываю дверцу и аккуратно помогаю сесть. Стремительно сажусь за руль и как можно скорее трогаюсь с места. Все, победа!

Свет в квартире включать не стали. Как вошли, я присел и в темноте и помог Аньте разуться. Черные туфли на огромных шпильках были отставлены куда то в сторону. Невольно прошелся кончиками пальцев по тонким лодыжкам, шелковистым икрам. Поднимаясь, коснулся носом позвоночника между лопаток, вдыхая тонкий аромат ее парфюма.

Нежная и чувствительная кожа только лишь от случайного прикосновения кончиком носа покрылась ощутимыми мурашками. Отдвигаю густые волосы, черные как сама темнота, оголяю шейку и прикасаюсь губами. Чувствую, как выступают позвонки. Целую горячее плечико. Чуть отстраняюсь, а потом, как будто передумав, возвращаюсь и прикусываю нежную кожу. Ее дыхание сбивается.

И тут раздается сигнал телефона. Мамка. Вот ведь!..

— Да. — Принимаю звонок. Анька разочарованно хмыкает, потом берет меня за руку и ведет в свою комнату (мы спим там последнюю неделю, ведь у моей кровати нет одной ножки).

— Антоша, куда ты подевал сестру!? Коленька ее обыскался. — Черт подери! Я сыт этим «Коленькой» по горло!

— Знаешь мам, — изо всех сил стараюсь держать себя в руках, — Аньте стало плохо, и я отвез ее домой.

А Анюта в это время расстегивает на мне рубашку и целует шею.

— Что? Почему ты нас об этом не спросил? Мы бы попросили Коленьку, он бы отвез.

— Так уж вышло, что я пока еще ее брат, и сам могу о ней позаботиться. Без помощи вашего породистого хмыря!

— Антоша, следи за языком!... Ты же понимаешь, что этим своим поступком ты мог погубить Анечке всю личную жизнь? Хорошо, что я уговорила Коленьку не сердиться, что его бросили.

— Мне иногда кажется, мама, что вы не столько беспокоитесь за мою сестру, сколько за стабильность отцовского бизнеса! — Видя, как меня трясет от злости, Анька обняла за шею и прижалась ко мне.

— Все это — для нашего общего блага.

Мать вашу, она даже не отрицает!

— В общем, чтобы больше такого не было. — И мамка отключилась.

Бросаю телефон на кровать и прижимаю Аньку к себе. Глажу ладонями ее нежную спинку.

— Знаешь, этот чертов «Коленька» меня заебал. — Стараюсь говорить спокойно, но в голосе все равно прорывается ярость. Шепчу на ушко, касаясь губами. — Не могу я видеть тебя рядом с этим уебищем, да и вообще с любимым парнем. А когда наши предки еще и так спокойно об этом говорят...

Я шумно втянул носом воздух.

— Ну... — Шепчет Анюта в ответ. — Может быть тогда, забьем на то, чтобы он сам передумал? Может мне просто ему в лицо все высказать? Типа, что все кончено, и пусть ищет другую? Он ведь все равно потребует еще свидание, мамка же навешала ему лапшу на уши?

О, Боги, еще одно свидание!?

— И тогда у родителей не возникнет вопросов. Ну бросила и бросила. — Продолжила она. Тяжело вздыхаю:

— Ладно. — Покрываю поцелуями ее плечики и, не спеша, стягиваю с них бретельки платья.

— Я буду сходить с ума от ревности, но ты права. Наверное, это единственный вариант.

Струящаяся невесомая ткань платья, бесшумно упала к ногам, и Анька осталась стоять передо мной в одних узеньких черных трусиках и той самой белой трикотажной подвязке, которую я сам на нее и надел. Жаль, что не могу полюбоваться на всю эту красоту — в темноте плохо видно.

Целую ее, подхватываю на руки и кладу на кровать. Рубашки на мне уже нет, скидываю брюки. Приникаю губами к впалому животику, двигаюсь медленно, чуть прихватываю губами тонкую кожу, слышу сверху рваные вздохи, а руками уже тяну тонкую ляжку трусиков на себя.

— Не забудь оставить подвязку, ты ведь обещал. — По голосу слышу, что улыбается.

Совсем стягиваю трусики с точеных ножек. Теперь на нас обоих остался всего один предмет одежды, и это Ольгина подвязка)) Анькин запах сводит с ума, это смесь тонкого цветочного парфюма, пряный запах кожи и дразнящая нотка ее желаний. Опускаюсь к лепесткам ее губок и втягиваю их в себя. Слышу сверху такое долгожданное:

— Ммммм...

Поначалу, мои губы чуть шершавые, но стремительно покрываются ее влагой. С упоением ласкаю. Прохожусь кончиком языка вокруг. Анькино дыхание сбивается, становится громким, прохожусь уже всей площадью языка, дотягиваюсь до бугорка клитора и начинаю терроризировать его самым кончиком.

— Антошенька, — ее животик поднимается и опускается. Дотягиваюсь до нежной груди и

прихватываю сосок. Слышу новый выдох.

Ощущение, что соскучился по ней, что не дотрагивался до нее ВОТ ТАК уже очень давно, как будто вернулся из дальнего плавания.

— Моя! — Голос звучит низко, чуть хрипло. — Я с ума схожу, когда ты не со мной, слышишь?

— Да-а-а! — Улыбается, и я вижу, как в темноте блестят ее глаза. Счастливые глаза.

Губы смыкаются, и родной юркий язычок начинает бороться с моим. Ее дыхание на лице. Раздутым от возбуждения каменным стволom медленно двигаюсь по влажным губкам. Анька судорожно выдыхает, подается на встречу. Сама пытается насадиться. Но я специально не поддаюсь, растягивая удовольствие. Ее шепот:

— Хочу... В попку...

Хм? Но ведь, она еще ни разу...

— Уверена?... — Кивнула. Похоже не очень, но...

— Там в ящичке стола. Смазка...

Одним прыжком добираюсь до стола, вынимаю из верхнего ящичка тубик и возвращаюсь обратно.

Приникаю к ее груди. Пока вылизываю левый сосок, покручиваю правый. Другой рукой, двумя пальцами плавно вхожу в киску. Не спеша двигаю ими, под нежные стоны сверху.

Торопиться нельзя, хотя очень хочется. Анальный секс в первый раз — дело очень ответственное.

Прохожусь языком от вершинки соска вниз по ее прессу, через пупок, дальше к кнопке клитора. Вынимаю пальцы из Аньки и выдавливаю на них из тубика порцию смазки. И пока кручу языком по чувствительному холмику, начинаю нежно ввинчиваться одним густо смазанным пальцем в тугую попку. Вот погрузилась первая фаланга, и мне в волосы вцепились острые коготки. Постепенно их хватка ослабла, и я продвинулся глубже, погрузив весь палец.

Спешить нельзя. Медленно двигаюсь пальцем внутри. Аккуратно добавляю второй под громкое судорожное дыхание.

— Все хорошо?

— Да... Продолжай.

Вынимаю пальцы, и смазываю уже три. Приникаю к ее влажным горячим губкам внизу.

— Ммм. — Ее низкий гортанный рык. Значит, все и вправду хорошо)

Проникаю языком в ее киску, стараюсь поглубже. Под рваные выдохи Анькины точеные ножки обхватывают мою голову. Пользуюсь положением и начинаю ввинчивать уже три пальца. Мягко, медленно. Плоский животик ходит ходуном, нежная грудь вздымается в каком то своем ритме. И вот уже три моих пальца погрузились до конца. Дать передохнуть. Другой рукой глажу по талии, животу, накрываю рукой грудь.

Начинаю двигаться пальцами внутри. Хватка Анькиных бедер чуть ослабла, и моя голова оказывается свободна. Останавливаюсь и чуть раздвигаю пальцы в ее попке, ведь ни три, ни даже четыре пальца по толщине не дотягивают до моего члена. Поэтому, растянуть я ее должен как следует.

— А-а... — Аня тоненько стонет.

— Тш-ш-ш... Потерпи чуток. — И опять приникаю к «волшебной кнопке».

Пальцы в попке все еще разведены, и я стараюсь развести их еще шире. Поддержать так. Не могу больше сдерживаться. Член уже дымится от возбуждения. Выхожу из Аньки,

поднимаюсь к ее лицу и целую. Страстно отвечает. Нехотя отрываюсь и помогаю ей перевернуться на живот. Подкладываю под бедра подушку — попка призывно оттопыривается вверх — и мягко развожу ее ножки.

— Я боюсь... — Анькин тихий шепот. И... Такие не похожие на нее слова.

Еще раз целую и обнимаю сверху.

— Страх — это нормально. Я все сделаю правильно, все будет хорошо. Верь мне.

Глажу ладонями ее спинку, двигаюсь губами от пунцового ушка вниз вдоль позвоночника. Не дойдя немного до поясицы, беру пальцами ствол и приставляю ко входу. Вершина уже обильно смазана, хотя ее диаметр все еще заметно больше. Надавливаю.

— О-о...

Несмотря на сопротивление, головка проскользнула. Останавливаюсь, нужно дать привыкнуть. Темную комнату заполняет наше громкое дыхание, как будто мы оба бежали стометровку. Капля пота со лба падает Анюте на поясицу.

Погружаюсь внутрь... До упора. Мой пресс сомкнулся с поджарыми напряженными Анькиными ягодицами. Целую ее плечи. Зарываюсь носом в волосы.

Теперь назад. В этом направлении всегда идет легче. Остановился, когда внутри осталась одна лишь головка. Теперь опять внутрь.

— А-а-ах... Н-насильник...

На Анькиной спине выступила испарина. Она напряжена, острые лопатки торчат вверх. Продолжаю двигаться. Кусаю ее за плечико, чтобы отвлечь от ощущений внизу. Аня смеется, хоть пока еще в ее улыбке чувствуется боль.

Кладу одну ладонь ей на ягодицу, слегка сжимаю, чувствуя мышцы под пальцами. Двигаюсь медленно, плавно, не спеша. Торопиться нам некуда. С упоением ощущаю, как огненная головка раздвигает тонкие тугие стеночки. Там влажно, очень узко. Аня дышит уже спокойнее, и я понимаю, что ее спина уже не так сильно напряжена. Наклоняюсь к лицу, целую в щечку:

— Ты как? Больно?

— Да.

— Вынуть?

— Не-а.

Чувствую, как ее бедра движутся мне навстречу. Аня дышит глубоко, в такт нашим движениям. стойкой, пока ждал Аньку. Следовательно, он не на машине. На стоянку такси! Уже весь мокрый подбегаю и как раз успеваю разглядеть, как этот урод ныряет в машину, захлопывает дверь, и такси трогается. Не успеваю! «АН981...» — запомнил номер.

Скорей! Еще не все потеряно! Добегаю до моей Камри (благо не далеко), прыгаю за руль, завожу, трещаю. На все десять секунд. Где это гребаное такси!?!? Свернули направо или налево?

Все, вижу. За ними! Подбавляю газу. Говорят: «никогда не гоняйтесь с таксистами, если жизнь дорога». Сегодня, по ходу, придется это правило нарушить.

Дождь усилился, и дворники едва спасают. Плохо видно.

Еду за ними и краем глаза слежу, нет ли ментов. Сворачиваем на широкий и пустой проспект, до ближайшего светофора полторы сотни метров. Сейчас!

Выжимаю из Камри все обороты, так что двигатель сходит с ума, обхожу слева это чертово такси и на полном ходу подрезаю, вставая наискось. Эх-х, не убиться бы!

Визг тормозов. Прижимаю их к обочине и, не заглушая двигатель, первым выскакиваю из машины под проливной дождь. Тут же выскакивает водила:

— Эй, пацан, ты совсем охуел!? — Ливень почти заглушает голоса.

— Друг, дело жизни и смерти!

К этому моменту из машины уже вывалилась туша Коли и встала в полный рост под дождем, удерживая своей лапой Аньку за запястье:

— Шеф, мы сами разберемся! — пробасил он.

— Черта с два, «разберемся», урод! — зарычала Анька.

— Отпусти ее!

— Да вы, оба, ебанулись совсем, я погляжу. — Злорадно ухмыляется этот бугай. — Все уже решено. Ваши родители отдали Анну мне. Она — моя невеста!

— Это мы еще посмотрим!

— А знаешь ли ты, Антон, что ей по наследству достанется и фирма вашего отца? И я, как ее муж, смогу применить все свои знания и опыт, что бы фирма и дальше процветала. А ты — всего лишь жалкий неудачник.

— Так ты, сука, ради денег все это затеял!?

— Нет, мне нужна твоя ебанутая на всю голову сестричка! — Саркастически выпалил он. — Я ведь все знаю про ее характер и манеры! Затеял все ваш отец, видя, какие у него наследнички. И я, кстати, его отлично понимаю. — Еще гаже ухмыльнулся он.

— Ну, выродец, держись!! — Оказываюсь возле него и со всей дури вламываю ему снизу вверх. Но еще кулак не успел оторваться от его челюсти, как я пропускаю его хук с правой в висок. Ощущение, что голова взрывается как арбуз. Мгновение мир стремительно вращается. Но через секунду я уже в норме. Ну и кулаки у него! Вот теперь ты меня, урод, и вправду разозлил!!

Второй раз иду в атаку, стараясь держать его правую в поле зрения, благо левой он все еще удерживает Аньку. Удар по корпусу, добавляю ногой и целюсь правой ему в челюсть. Он видит мой кулак и чтобы его заблокировать, на автомате выпускает Аньку. Беги! Скорее!!

Пока отвлекся на правую руку, хук левой — попадание по его правой скуле. Добавляю уже свободной правой рукой, его нос издаст неприятный хруст. Я этого долго ждал, получай, скотина!

Пропускаю удар в челюсть, за ним еще один в висок. Пытаюсь заблокировать, но от ослепительных вспышек в сознании, делать это получается все хуже. Удары этого медведя посыпались один за другим. Дождь заливает глаза.

— Антоша!!! — Истошный вопль Аньки. Доносится с противоположной стороны от «Коленьки». Значит, она вырвалась. Теперь все хорошо.

И тут окружающий мир меркнет.

— Антоша! Очнись, пожалуйста! — Открываю глаза.

Дождь. Этот гребаный дождь заливает все лицо. Приподнимаюсь на локте — я на асфальте того самого проспекта, на том же месте, где и упал. Похоже, прошло совсем немного времени с того момента как меня отключил этот хер. Разница лишь в том, что ни его, ни такси на месте уже нет. Стоит моя Тойота, а рядом со мной под дождем на коленях сидит вся мокрая Анька.

— Вставай, нам надо идти! — Она помогает мне подняться, и кажется, что она спокойна и сосредоточена.

Этот чертов дождь! Все глаза заливает, не вижу ничего. Провожу ладонью по лицу и вижу, что она вся в крови, которая, смешиваясь с дождевыми каплями, стекает между пальцев. Не хило меня приложила эта скотина!

Анька запихивает меня в машину, а сама садится за руль.

— У тебя же прав нет.

— Я только припаркуюсь. — А, ну да. Машина ведь так и стоит наискось возле обочины, после того как я их подрезал.

Кое-как, натужно рыча двигателем, встали параллельно бордюру, благо никто больше поблизости не припаркован. Анька выключает двигатель и, покопавшись в бардачке, достает салфетки. Приводим меня в порядок.

— Вроде, я себя нормально чувствую. — Смотрю в ее широченные глазищи, мерцающие в полутьме салона.

— У тебя рассечена бровь. Нужно в травмпункт, чтобы зашили. Иначе кровь не остановить. — Говорит твердо и рассудительно, но я никогда раньше не видел у нее таких огромных глаз.

— Хорошо. Пусти меня за руль, здесь больница не далеко. — И в ответ на панику на ее лице спешу успокоить: — Я нормально себя чувствую. Поедем медленно, не бойся, Анют, все будет хорошо.

В травмпункте нас мусолили довольно долго. Пришлось сначала посидеть в очереди, потом сделали рентген головы. Наконец, хирург двумя стежками зашил длинный разрез над левой бровью и наложил поверх свежего шва заплатку, закрыв сразу половину лба. Теперь, по моему внешнему виду можно было решить, что у меня дыра в полголовы, хотя, на самом деле, после того как отмыли всю кровь, оказалось, что рана не такая уж серьезная. Просто, крови много. Зато теперь на километр видно, что у меня травма. Жесть.

В итоге, после того, как меня привели в божеский вид, врач позвал Аньку в кабинет, чтобы она тоже слышала его заключение.

— Для начала, кем приходитесь больному? Девушка? — Задал он вопрос, рассматривая рентгенограмму.

— Да, — ответила она негромко, и я посмотрел ей в глаза. Все верно. Все так и есть.

— Вот что. Сотрясения у него нет. Отделался легкими ушибами. — Врач был пожилой, полный до розовости. Сразу чувствовалось, что за плечами у него огромный опыт, и он видывал случаи куда хуже, чем мой. Это успокаивало.

В общем, все оказалось в порядке. Мне было велено рану не мочить, сегодня выспаться и через неделю на снятие швов. Но сесть за руль Анька мне все равно запретила и вызвала нам такси. Мою машину оставили припаркованной возле больницы. Потом заберу.

Домой приехали в первом часу ночи. Оба были насквозь мокрые, хоть выжимай. Плюс моя рубашка спереди вся была в крови. Видок тот еще. Всю одежду сразу сунули в стиральную машинку. Я помог Аньке высушить волосы феном. Наконец, усталые легли спать.

Через какое то время Анька села на кровати и посмотрела на меня.

— Ты чего? — Тоже сажусь и смотрю в ее небесно-голубые глаза, будто светящиеся в тусклом свете, падающем из окна.

Сжала мою ладонь:

— Пообещай мне... — Огромные глазищи смотрят куда то мне в самую глубину. По спине поползли мурашки.

— Пообещай мне, — повторяет чуть дрогнувшим голосом, и я с ужасом вижу, как эти

большущие голубые глаза, отблескивая в слабом свете улицы, стремительно наполняются слезами. — Пообещай, что больше н... никогда так... меня не напугаешь! — Аня громко всхлипывает, и в тот же момент по ее щекам начинают катиться огромные слезы, все быстрее и быстрее превращающиеся в поток, подобный давешнему дождю.

— Пообещай!

Инстинктивно подаюсь к ней и прижимаю к себе. Быстро шепчу на ушко:

— Обещаю!... Обещаю!... Прости меня! Прости, слышишь? — С каждым ее всхлипом, внутри что то болезненно сжимается.

— Я так испугалась!... У тебя уже кровь пошла, а ты все на него напал, ненормальный!..

— Прости! Прости!... — прижимаю ее груди, — Я должен был выбить из этого придурка все желание заполучить тебя.

— А потом, этот гад ударил еще, а... а ты уже не сопротивлялся и упал!... — Успокоить, утешить, впитать в себя все, что в ней накопилось. Изо всех сил обнимаю дрожащее тельце. Чувствую, как вцепляется в меня пальцами в ответ. — И все лицо было в крови и рубашка!..

— Прости...

— И я его прогнала... Сказала, что вызову полицию и нажалуюсь отцу... И он сбежал.

Сквозь слезы и всхлипы автоматически ищу ее губы. Хватит вспоминать, забудь все что было. Забудь как страшный сон.

— Мы победили, теперь я всегда буду с тобой. — Опять целую, и она отвечает.

Прохожусь губами по ее мокрым скулам. Слезы горькие, как будто с ними выходило все, что испытала за этот чертов день.

Ощущаю, как тонкие пальчики зарываются в мои волосы на затылке, прижимают к себе. И вот уже Аня перестала всхлипывать мне в губы и горячо задышала. Наши языки борются друг с другом, не уступают. Отрываюсь от нее и краешком одеяла вытираю ей глаза, щеки. Не могу удержаться и снова целую.

Руки движутся по ее голой спине от лопаток, вдоль позвоночника. Оглаживают талию, наслаждаюсь этой нежной шелковой кожей. Уже твердый трусь о нее внизу, распаленную и влажную, ладони сами ложатся на мягкие ягодицы. Чувствую, как под пальцами перекачиваются мышцы. Проникаю в нее и ощущаю, как пятки привычно смыкаются на пояснице.

Слышу такое родное:

— Ммм.

Движения плавные, неспешные. Узкая, такая горячая. Моя. Отрываемся друг от друга, чтобы глотнуть хоть немного воздуха.

— Знаешь... Я тебя...

— Знаю... И я тебя...

Опять прижимаю к этим мягким, таким вкусным, губам. Ловлю язычок, прижимаю ее к себе и плавно ускоряюсь. Стараюсь проникнуть как можно глубже, достать до самой души. Тела переплетены, по спине стекает капелька пота.

Я тоже боялся. Боялся, что тебя от меня увезут, и я больше тебя не увижу. И что это моя вина, самая страшная моя ошибка. Но теперь ты со мной, и я сотру в порошок любого, кто попытается это изменить.

Анюту подо мной начинает трясти. Впивается коготками мне в бока, отрывается от губ и прижавшись лбом тоненько:

— Анто-о-оша-а-а! — Черт, как же я люблю, когда она стонет мое имя!..

Она так трепещет и пульсирует, что, наконец, накрывает и меня, и все мысли уносит взрывной волной.

Утром, пока мы завтракали, зазвонил телефон. Мамка.

— Доброе утро, Антоша! Скажи, пожалуйста, что у вас вчера случилось с Коленькой? Он позвонил и сказал, что вы подрались, и теперь он раздумал жениться на Анечке.

— Привет, мам. Э-э, да, подрались, все верно.

Анька, жуящая салат, услышав мои слова, сразу насторожилась.

— Антоша, мы с папой тобой очень недовольны! Нельзя разбивать нос жениху твоей сестры, только потому, что он тебя раздражает!

Та-а-ак, мне этот разговор перестал нравится.

— Он ей не жених, мама! Он насильно утащил ее из клуба и повез, одни Боги знают куда!... К тому же он ей вообще не пара!

— Антоша, это совсем не твое дело.

— Нет, мама, мое!..

— В общем так, сынок. Мы с папой хотим очень серьезно с тобой поговорить. С вами обоими. Садитесь в машину и приезжайте к нам.

— Сегодня будний день, мне вообще то на работу нужно.

— Ничего, отец позвонит на работу и все уладит. Мы вас ждем.

Положил трубку.

— Они хотят нас видеть.

— Что будем делать? — Анята отлично видит, что я в бешенстве.

— А ничего. Скажем им правду.

Она помолчала, потом посмотрела мне в глаза:

— Уверен? Это будет пиздец.

— Мы выдержим. — Я улыбнулся, поцеловал ее и пошел одеваться.

За машиной к больнице я поехал один, все равно ехать на выезд из города мимо дома. Договорились, что я ее подберу.

Утро было солнечное, уже прилично припекало. Похоже, день будет жаркий. Над проезжей частью нависали клубы зеленой листвы. В небе кричали стрижи. Конец июля.

Когда подъехали к родительскому дому, солнце уже стояло почти в зените.

Перед тем, как звонить в домофон, Анята спросила:

— Ты уверен? Я... не знаю, что нас ждет.

— Не бойся, — я улыбнулся и взял ее за руку. — Да, впереди пиздец, нужно быть готовыми к этому. Но мы не сможем вечно все скрывать. А так, мы хотя бы сможем оградиться от посягательств с их стороны. Расставим все точки над «и».

— Они не примут нас. — Лицо ее было совсем грустным.

Кладу ладонь ей на щеку, нежно глажу пальцем по скуле и целую. Приникает ко мне.

— Не бойся. У них нет выбора. Они могут сопротивляться, предпринимать любые действия. Но изменить ничего не смогут. Все будет хорошо, верь мне!

Анята доверчиво улыбается, и я нажимаю на кнопку домофона.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ.

Когда я впервые оказался в Риге, то прежде всего удивился тому, насколько этот город похож на любой российский. Планировка улиц очень похожа, на типичную советскую (что разумеется не удивительно), да и при взгляде на некоторые дома, невольно узнаешь в них стандартные типовые советские здания, которые когда то строили по одному и тому же проекту по всему союзу.

Разумеется, совок я не застал. Мамка родила меня позже. Ну там, расстрел Белого Дома, Чечня, все дела. А уж Анька то и подавно. Но каждый город, да и страна в целом сохранили в себе отпечаток советского, который, живя там, не чувствуешь, но как только вырвешься, мгновенно ощущаешь.

Я очень быстро понял, насколько мое впечатление от Риги обманчиво. Оно поменялось очень быстро, стремительно. И вот уже в тех же самых (довольно редких) домах, в которых раньше я узнавал советский штамп, я стал видеть уже не советское, а местное, национальное. Лишь с небольшим налетом, советского прошлого. Узнаваемость которого, сильно падает со временем.

Рига, это, конечно, совершенно европейский город. Чистый, цивилизованный. Не очень большой по российским меркам. И, конечно же, совсем не российский город. И не русский. И, уж конечно, не советский.

Здесь совсем другой ритм жизни. Совсем другие нравы. Никто не летит стремглав по улицам. Никто никуда не спешит. То есть, конечно, бывает, что человек куда то опаздывает. Но... В общем, это нужно почувствовать самому. Здесь спокойно. Мне здесь нравится.

Зима здесь оказалась довольно теплой и слякотной. Не то, чтобы нет снегопадов... Вот вчера например, по дороге с работы, я попал практически в метель. Но выпавший снег растаял еще до того, как я дошел до дома.

Это в моем родном городе, зима либо приходила в середине ноября, да так, что четыре дня валит снег, и не видно противоположной стороны улицы. Либо до самого тридцать первого декабря мороз минус двадцать и на улицах голый мерзлый асфальт, а снега днем с огнем не сыщешь.

Здесь же теплый ветер вполне может пригнать с Балтики дождь за неделю до Рождества. И ведь в тот самый день, когда я забыл зонтик дома! Придется переждать под козырьком, может скоро закончится.

Как и следовало ожидать, наши родители, не приняли наших с Анькой отношений. И это еще мягко сказано! Скандал был и впрямь сравним с концом света. Мы с отцом подрались, и его не остановило, что я уже был со свежим швом. После этого мне наложили еще два. Но я не жалею. Тогда даже Аньке досталось. Говорят, мамка рыдала неделю.

Разумеется, смириться они не пожелали. Как и не пожелали слушать нас, и никакие доводы не помогали.

Отец в своей излюбленной манере, прибег к угрозам. А когда они не подействовали, не придумал ничего лучше, чем воплотить их в жизнь. (Конечно, мы ведь не привыкли отступать!)

Через неделю по воле отца меня вышвырнули с работы. Мой, чертов начальник, ненавидевший меня все время, что я там работал, воспользовался случаем и припомнил мне все мои проступки. Вообще то, это не оставило нас совсем уж без денег. Фриланс и раньше

меня выручал, когда я куда-нть спускал зарплату. Но мы с Анькой рассудили, что если уж у отца хватило совести выгнать меня с работы, то может хватить ее и на то, чтобы вселить к нам кого-нть еще, пользуясь правом совладельца, со всеми вытекающими.

Поэтому, я решил продать свою долю. Сделки с недвижимостью проводятся не за один день. Пока мы жили на чемоданах, решили расписаться.

Когда подавали заявление в ЗАГС, сказали, что Анюта беременная и надо срочно. Плюс я еще сунул кое-кому в зубы приличную сумму. Фамилии у нас с Анькой разные. Я в девятнадцать поменял свою на девичью фамилию матери. Анька так и жила с отцовской. А в подробности никто вникать не стал.

В общем, к моменту, когда наши родители узнали, что их дочка вышла замуж, а сын женился, мы с Анькой уже мчали на моей Тойоте к латвийской границе. К тому моменту мне уже дали рабочую визу.

Сейчас, я работаю в солидной фирме, которая разрабатывает онлайн-игры, одну или две из которых, уверен, узнает каждый. Правда, как программиста, разработка игр меня мало интересует. Но это не плохой старт, а там видно будет. К тому же работа мне нравится, команда хорошая, да и на жизнь нам с Анютой хватает. Правда, по первому времени таки пришлось продать машину, так что хожу пешком.

Но здесь не далеко. Всего четыре квартала от работы до дома. А кварталы в Риге не большие. У нас небольшая съемная двухкомнатная квартира.

Поднимаюсь по лестнице в парадном на четвертый этаж. Хоть, я открываю дверь своим ключом, но в коридоре меня встречает Анька. Улыбается, обнимаю и целую ее:

— Привет! Соскучилась? — Кивает.

Смотрю на нее. За почти полгода, что прошли с тех пор, она практически не изменилась. Но животик уже стал виден))

Шестой месяц. Врачи сказали, что никаких отклонений у девочки нет. Разумеется, как только узнали, Анька сразу же бросила курить. И вообще, мне кажется, из нее выйдет мировая мамашка)

А родители наши... Когда-нибудь они примут нас и свою внучку.

Меня зовут Антон, фамилию говорить не стану)) Мне 23 года, я живу и работаю в Риге. И после всего, что мы пережили или благодаря, мы с Анькой женаты, ждем дочку и очень счастливы.